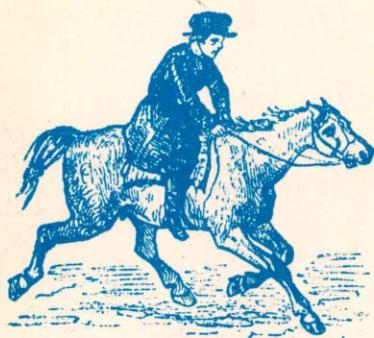

Лев Лосев

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК

Другие книги того же автора, изданные "Эрмитажем":

ЧУДЕСНЫЙ ДЕСАНТ. Стихотворения, 1985

ЖРАТВА, или ЗАКРЫТЫЙ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ, 1984

Лев Лосев

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК

СТИХОТВОРЕНИЯ

Эрмитаж

1987

Лев Лосев

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК
Стихи

Lev Loseff. TAINYI SOVETNIK
Poems

Copyright © 1987 by Lev Loseff

All rights reserved

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Losev, Lev, 1937-

Taĭnyĭ sovetnik : stikhotvorenĭa / Lev Losev.
p. cm.

Romanized record.

ISBN 0-938920-97-9 : \$8.00

I. Title.

PG3549.L58T35 1987

891.71--dc19

87-35388

CIP

Published by HERMITAGE
P. O. Box 410
Tenafly, N. J. 07670, U.S.A.

*”Земля же
была безвидна и пуста”.*
В вышеописанном пейзаже
родные узнаю места.*

* Бытие 1, 2

I

* * *

Нередко у примитивных народов кораблик помещается на верхушке шеста, водружаемого на крыше... Так имплицитруется желание трансцендентального, выхода за пределы бытия, путешествия через пространство к иным мирам.

Х.—Э. Сирло

Се возвращается блудливый сукин сын
туда, туда, в страну родных осин,
где племена к востоку от Ильменя
все делят шкуру неубитого пельменя.

*

Он возвращается, стопы его болят,
вся речь его чужой пропахла речью,
он возвращается, встают ему навстречу
тьма — лес — топь блат.

*

Его встречают по заморску платью,
его сажают в красные углы.
Он возвращается к любимому занятию —
подсчетам ангелов на острие иглы.

*

Он всем поведал, что Земля кругла
и некому пробить сей крепкий круг,
вот разве что Комета, сделав крюк,
но вероятность в общем-то мала.

*

Однажды, начитавшись без лампад,
надергав книжек с полок невпопад,
он вышел прогуляться до угла
и вдруг увидел: вон еще игла.

*

Там, из пластинки северных небес
игла пила мелодию не без
игривости — романса, что ли? вальса?

И к той иголке, светом залитой,
как прикипел фрегатик золотой,
похоже — только что пришвартовался.

*

Команду ангелов сумел он увидеть
и сосчитать (их было 25),
на палубе золотого корабля
мелькали крылья, бегали огни,
они вели себя как дети, как пираты.
И думал он, губами шевеля:
"Выходит вот как выглядят они,
летательные эти аппараты,
так вот где принимает их Земля".

ПВО*

Как ныне собирается вещей Олег
спалить наши села и нивы.
Авось не сберется — уж скоро ночлег,
а русичи знатно ленивы.
Он едет с дружиной, в царьградской броне.
"Эй, Броня, подай мою бороду мне!"

А меч под подушкой будет целей,
меча мне сегодня не надо.
Я выйду из леса, седой лицедей,
скажу командиру отряда:
"Ты опытный воин, великий стратег,
но все ли ты ведаешь, вещей Олег?"

Допустим, я лжив, я безумен и стар,
и ты меня плетью огладишь,
но купишь ты, князь, мой лежалый товар
и мне не деньгами заплатишь.
Собой и потомством заплатишь ты мне,
как я заплатил этой бедной стране,

стране подорожника, пыльных канав,
лесов и степей карусели.
Нам гор и морей не видать, скандинав,
мы оба с тобой обрусели.
Так я предрекаю, обрезанный тюрк".
И тут же из черепа черное — юрк.

---

* "Песнь Вещему Олегу", посвященная также тысячелетию крещения Руси, Артуру Кёстлеру, Л. Н. Гумилеву, А. С. Пушкину, коню и змее.

”Не дрыгай ногою, пророка кляня,
не бойся, не будет укуса.
Пусть видит змеиное око коня,
что Русы не празднуют труса.
Пусть смотрит истории жалающий взгляд,
как Русы с Хазарами рядом сидят”.

У них перемирие, пир, перегар.
Забыты на время раздоры.
Крещеные викинги поят болгар,
обрезанных всадников Торы.
Но полон славянскими лешими лес.
А в небе Стожары. А в поле Велес.

Еще некрещеному небу Стожар
от брани и похоти жарко.
То гойку на койку завалит хазар,
то взвоят под гоем хазарка:
”Ой, батюшки светы, ой, гой ты еси!”
И так заплетаются судьбы Руси.

Тел переплетенье на десять веков
записано дезоксирибо-
нуклеиновой вязью в скрижали белков,
и почерк мой бьется, как рыба:
то вниз да по Волге, то противу прет,
то слева направо, то наоборот.

Я пена по Волге, я рябь на волне,
ивритогибрид-рыбоптица,
А. Пушкин прекрасный кривится во мне,
его отраженье дробится.
Я русский-другой-никакой человек.
Но едет и едет могучий Олег.

Незримый хранитель могучему дан.
Олег усмехается веще.
Он едет и едет, в руке чемодан,
в нем череп и прочие вещи.
Идет вдохновенный кудесник за ним.
Незримый хранитель над ними незрим.

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Не пригороды, а причитания: охты, лахты.
После получасового полета
под мост уплывает плевок.

Все, что осталось от гангутского флота —
дрянный дредноут плавучей гауптвахты
и ресторан-поплавок.

Еще сохранилось два-три причала,
у моряков кривая походка,
у набережных адмиральские имена.

Но в трюме жалобно поплескивает водка,
море окончательно измельчало,
экспедиция отменена.

”Гибель эскадры”. ”Стерегущий”. ”Варяг”.
Самопоплением
славятся русские корабли.

Прогноз не побалуует потеплением.
Афиши анонсируют ужасный брак
”Голого короля” и ”Снежной королевы”.

В Е Н Е Ц И Я

Н е К р а с н а я п л о щ а д ь

Вот где венецы возвели свой рай,
набивши в вязкий ил корявых свай!
А дома усидевшие славяне,
как видно, крепко дурака сваяли.

Торгаш наторговал, натырил вор,
по нитке с миру возвели собор,
московского еще блаженней Васи,
знать, на вине вольготней, чем на квасе.

Здесь строил Фьораванти, хитрый грек,
на берегах каналов сих и рек,
и как-то легче строил, беззаботней,
но был в Москву заманен длинной сотней.

Зачем же там смастырил он острог,
где дух империи оттягивает срок,
куда въезжают черные машины?
Что думают в них хмурые мужчины?

Что работяг, набивших мозолёй,
притягивает в бурый мавзолей?
Злорадство? Или просто близость ГУМа?
Какая их одолевает дума?

...Так размышляя в местностях иных,
как будто впрямь покинув крепостных,
на их хлебах беспечные дворяне,
потягиваем кофе Флориани.

Здесь дивно то, что площадь — край земли,
что ровень с ней проходят корабли,
что горизонт не загорожен зданьем.
Эй, официант, давай, сюда рули,
получишь легковесные нули
деньжонок с поэтическим названьем.

Д о ж д ь

Набережные намокли,
капли как-нибудь,
как небрежные монокли
падают на грудь.

То-то волны кольцевидны,
сваи в них весь день,
точно мокрые цилиндры,
малость набекрень.

А большой лагуны сцена
вечно в мельтешне,
там захлестывает пена
белое кашне.

Расстояния матросам
на один плевок.
Толстощеким и курносим
смотрит островок.

Взглядом мертвым и упрямым
(мокр и мертв, и прям)
смотрит в небо мокрый мрамор,
под которым там

бывший кукиш сцене царской,
бедный сибарит,
аки лев венецианский
Дягилев зарыт.

То-то горе — сине море,
черные гробы!
Но гудят, гудят в миноре
в белых две трубы

пароходы местных линий,
воды бороздя.
И длиннее черных пиний
линии дождя.

Мура, но...

Стекло — произведение рта.
Но есть запретная черта.
Переступи ее, попробуй: глядь, и не вышло ни черта.

Поэтому в горячий рот
он трубку длинную берет
и раскаленный шар вздувает, то кверху, то наоборот.

Мура, конечно, мишура.
К тому же страшная жара.
К тому же, вредная работа, и редки стали мастера.

Овеществленный вздох оно.
Но вот оно отделено.
И вот оно стоит на полке — красиво, но слегка смешно.

ИЗ РАДИОПЕРЕХВАТОВ

Ноктюрн

Цепная реакция псов,
их брѣх, охота на блох
подкатывается под Псков
комком тошноты под вздох.

Цепная реакция псов.
Их брѣх. Охота на блох.
Все этой ночью заглохло.
Угол вселенной заглох.

Т. е. ни дать, ни взять,
не присесть, не выпить.
Ты, что ли, спятила, Припять,
этот берег лизать!

То не воют в Чернигове трубы,
то не топот в Путивле копыт,
то не свозят под Киев трупы,
то не Ярославна вопит,

то не тараканы-мутанты
вползают в Тмутаракань,
то прут по бетонке танки.
Куда вы в такую рань?

”А мы знаем, куда мы прем?”
”Пушкин, я — Гоголь. Прием”.
”Приказ: совершенно секре...”
”Повторяю: реактор. Ре...”

”...третий день обострится
понос, выпаденье пера”.
”Повторяю: редкая птица
долетит до середины Днепра”.

МАЯКОВСКОМУ

1. Рассказ композитора И. Койзырева о вселении в новую квартиру

Размышлять, как надолго соседский пацан-онанист
запрется в сортире на этот раз,
дрожать по утрам, как осиновый лист,
не слишком ли громко скрипел матрас,
различать пять чайников по голосам,
платить за кретинов, оставляющих свет,
у соседки угадывать по глазам,
харкала она в суп или нет.

Хватит! не зря я мотался на БАМ,
"Сюиту строителей" творил на века,
за "Едут, едут девчата на бал"
у меня диплом ЦК ВЛК-
СМ и из авторских прав три куска —
я все это вкладываю в ЖСК!

В новой квартире будет у нас благодать.
Бобика переименуем — Рекс.
Перекуем мечи на оральный секс,
т. е. будем трахаться и орать
сколько влезет, за каламбур пардон,
но главное — ванная. Остальное потом.

...и пока моя ванна наливается бурля,
я в системе "Сони" на полный врублю Вивальди,
из серванта достану французский за двадцать
четыре рубля,
сами себе, старички, наваливайте и наливайте.

Я вхожу с полотенцем махровым
и вафельным в кафельный мой сануз.
Подходящее место для жизни — Советский Союз!

2. Стихи о молодецком пастыре

Глянцевитая харя в костюмчике долларов за пятьсот
дубликатом бесценного груза из широких штанин
достаёт Евангелие и пасет
телестадо страны, которой я гражданин.
В ореоле бриолина мерцает хилый вихор.
Он даёт нам советы по части диеты, бюджета и моче-
половой,
а когда он кончает, взывает затруханный хор:
"Господи, наш рулевой!"
Засим налетает рекламная саранча,
норовя всучить подороже Благую Весть.

Но ангел-хранитель выключает телевизор, ворча:
"Можно подумать, в атеизме что-то есть".

3. Париж

...в черных чулках госпожа.
Ю. Кублановский

Настоящие русские умирают в Париже.
Не потому, что к дому поближе,
а потому что... Ну, в общем, Париж.
Мертвые лебенсрауму не имут,
но имут в Германии мерзкий климат.
В Лондоне тоже не полежишь.

Кому-то это покажется диким,
но в Нью-Джерси зарыт Деникин
и в Массачусеттсе Якобсон.

Гробы изнутри здесь вроде матраса,
с точки зрения местного среднего класса
смерть — это красиво и как бы сон.

Еще остается утеха сноба —
накрыться в Венеции крышкой гроба
(композитор Г. Малер, слова Т. Манн).
Смерть в постановке Лукино Висконти?
Уж лучше в клочки на сирийском фронте,
чем это кино и цветной туман.

Оно как-то проще в толпе Парижа.
Подойдет, по-французски скажет: "Парниша,
триста франков — пойдём?"
Сердце расквасит не сентиментальность.
Что нам Москва? Не за тем метались.
Потом посмотрим, что будет потом.

24 АПРЕЛЯ 1903 ГОДА

Ать-два, ать-два, по слякоти прошлепав,
ушел от нас пехотный полк.

Тер-Психорян, Эратов, Каллиопов
в буфете пьют мадеру в долг.

Эратов (воспламеняясь). У ней "мадам Сижу", простите,
до полу-с.

Буфетчик Аполлон Евстафьич Попадопулос
перестает перетирать стаканы.

Тер-Психорян. Вы говорите пошлости, Эратов.
Эратов. Опять разыгрываем аристократов.
Каллиопов. Товарищи, да перестаньте же, вы пьяны.

Туда-сюда по слякоти пошлепав,
зашел на почту Каллиопов.

Почтовый служащий, задумчивый муило
из сюртука и сургуча,
цитирует из Александр Сергеича:
"Погасло дневное светило..."

Глядит в окно, дождем в глаза летит
уездной типографии петит:

в России все кончается попойкой,
трактирной стойкой,
больничной койкой,
никто не управляет Русью-Тройкой,
ах, господа, куда она летит?

"Он прав, брат Каллиопов". "Прав, Микеша,
а посему сворачивай дела,
пошли".

”Постой. Вот из Москвы пришла
забавно искаженная депеша.

К нам едет, видишь ли,
ТОВАРИЩЕСТВО ПЕРЕДВИЖНЫХ ВЕСТАЛОК...”

”Над пристанью дождик. Над церковью стаи галок.
Мелкие чиновники. Провинциальные актеры.
Я бы разрезал эти полотна на куски,
сшил бы лоскутные шторы
и завесил бы окна от этой тоски”.

Декадентствующий Каллиопов,
губами пошлепав,
целится вилок в масленок с прилипшим листком
шалфея.

Блаженствующий приятель дремотно
советует взять чуть левее.

Из города уползает шоссе, уже и не требующее ремонта.

Полк на привале спит. Охрана
не спит. Нахальная луна проворно выползает из-за сруба.
Дежурный капитан голосом Тер-Психоряна
внезапно говорит: ”Что мне Гекуба?”

ЕРЁМИАДА

Пентаграммы фальшивых рубинов кровавят
зиккурат цвета им же хранимой
мумии эпони́ма Северной Пальмиры.
Иудеи рыдают на реках вавилонских.
В Аккадемии Верховный Жрец Вавилонов
перетирает в ступе кости казненного брата.
О чем там галдят халдеи?
А, все о том же: "Свобода есть познанная необходимость".

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК

(по Соловьёву)

Весь день он бегал по делам,
по городу мелькал,
вопрос о сроках подымал,
на суммы намекал.
Издатели — такой народ,
им палец не клади
в рот. Он набегался, но вот
все это позади.
"Теперь в гостиницу скорей", —
подвизвизгнул Аппетит.
Еще с порога из дверей
он видит — стол накрыт:
столь нежнорозовый лосось
там напластован наискось,
что об Авроре вспомнилось,
о розовом ее сосце,
блестит под устрицей ледок,
засим на серебре клубок
темнокоричневых миног
в горчичном соусе,
бараний жаркий жирный бок
и спаржи слабый стебелек,
и то, что булочник напек, —
все это вызывает шок,
восторг и дрожь в крестце.

.....

Уже бараний съеден бок
и спаржевый гарнир.
"Не ешь так много, Сведенборг", —
в углу проговорил —
кто? Никого в столовой нет,
зал полутемный пуст;
ну, разве проскрипит паркет

или раздастся хруст
в камине — это все вдомяк,
в пределах естества,
но нету никого, кто мог
произнести слова,
от коих левый сведен бок
и пропотела плешь:
”Не ешь так много, Сведенборг,
ты слишком много ешь.
Чем жирных уминать миног
подчас зараз по сту,
предайся лучше, куманек,
молитве и посту.
Свидетель Бог, уж виден гроб,
где пляшет бесов рать.
Не ешь так много, Сведенборг,
не нужно столько жрать.
Ты ныне духом нищ, и вот
туда, где тьма и слизь,
к себе в колодец-пищевод
Иосифом свались.
Ты много ел, ты много пил,
ты долго жировал,
на палец сала накопил
желудок, желт и ал.
Свеченье печени в ночи,
как тучи грозовой,
и на проспекте Газа вонь
бензина и мочи.
А уж отсюда близок путь,
минуя стадион,
в слепой отросток заглянуть,
где бредит Родион.
Простится в вышних перепуг,
но сытость не простят.
Ты думал — Лондон, Петербург,
а это просто — ад,

где сатана от лени "Нгррр..."
рокочет вдоль кишок..."

.....

Но тут вошел служитель-негр
и канделябр зажег.

"С утра он не был, вроде, сед,
забавный этот швед".

— Прикажете подать десерт?

Он отвечает:

— Нет.

СОНЕТ

Сомнительный штаб-ротмистр Фет
следит за ласточкой стремительной,
за бабочкой, и мир растительный
его вниманием согрет.

Все это — матерьял строительный,
и можно выстроить сонет,
и из редакции пакет
придет с купюрой убедительной,

и можно выстроить амбар,
а то ведь старый подгнивает.
Читатель, вздувши самовар,

в раздумье чай свой допивает:
"Где этот жид раздобывает
столь восхитительный товар?"

21 ФЕВРАЛЯ 1895 ГОДА

Над секретным донесением бежавшего в Нью-Йорк иеродиакона Агапия "Об употреблении евреями христианской крови"

он то задумывался, то приходил в восторг,
то потел и, все чаще в последнее время,
засматривался в окно.

Через дорогу, в больничном саду,
практичный двудомик — часовня и морг.
В часовне распятый человек — Бог.
В морге раздетый человек — бр-р-р.

Ровно в 4 горничная по звонку
впускала в прихожую шубу на енотах.
Шуба раскрывалась — со скрипучим "Нуте-сь"
в кабинет входил профессор Гиммельфарб.
— Любезнейший Кай Ёныч,
мне решительно не нравится ваша моча.
— Мне ваша тоже.
— Пытаете судьбу-с.
— А что, доктор, неужто без крови уж маца не маца?
— А уж это de gustibus...
— А не угодно ли disputandum за чайком?

Так и скоротали сто лет.
Бога забелили. Разделили жилплощадь.
Бывший чаек (ныне закат) подкрасил лазурь,
в которую превратился б. профессор.
Морг расширился за счет часовни.
Пра-пра-
внук Агапия — старший партнер
средней руки адвокатской конторы,
Бродвей угол 32-ой улицы:
Voznesensky & Rosenkreuz.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

*”Освобожденный пленник шел;
И перед ним уже в туманах
Сверкали русские штыки,
И окликались на курганах
Сторожевые казаки”.*

А. С. Пушкин

М. Ю. Лермонтов (14 лет):

”Внимали пленники уныло
Печальной песне сей для них,
И сердце в грусти страшно ныло...”

Татарин:

урус кильдым кончал базар
папаш мамаш писма писал
писма писал пять тыщ деньга
деньга барда гуляй нога

Письмо Жилина:

Адрес: Город Дураково
Господину Неттаково
А подателю сего
не давайте ничего.
Впрочем, право, можно дать
плетей двадцать — двадцать пять,
чтоб не зря пускался в путь.
Ну, а я уж как-нибудь.

(Пушкин:

”Иль башку с широких плеч
У татарина отсець”).

Письмо Костылина:

...крест крестильный с шеи сняли.
Если б, маменька, Вы знали,
как тут нравы непривычны,
как татары неприличны,
невоспитанны и злы!
Ноги у меня опухли,
а под мышками набухли
лимфатически узлы.
Только лишь на Вас, родную,
я надеюсь. Закладную
под именье можно взять,
ан и выйдет тысяч пять.

Два бреда:

Темь. Ночь. Яма. Яма. Ночь.
У татарина есть дочь.
Дочь татарина мала.
Маша встала и пошла.
Глазки сини, косы русы.
На Руси живут урусы.
Пуля дура, а храбра.
Пряжка — наши прапрапра-
прагорбаты и горчат.
Куча-гуча татарчат.
Ну, Фруфрушка, выноси.
Вот уж мы и на Руси.
Здесь дом мой, а там дом твой.
Чей там лай и чей там вой?
То ли Жучка, то ли Шарик.
Белый шарик, красный шарик.
Левый мозг и правый мозг.
День так холоден, что жарок.
Два конца имеет мост.
Мост имеет два конца.
Уже поздно так, что рано.
На мосту стоит овца.

Она раба барана.
А на рабе — ба! рана.

Л. Н. Толстой:

” — Иди один,
за что тебе из-за меня пропадать.
— Нет, не пойду:
не годится товарища бросать”.

От автора:

Начался пожар от свечки.
Весь сыр-бор из-за осечки.
Дураки у нас солдаты —
чистят ружья кирпичом...

Л. Н. Толстой:

”Послали Дуньку в пуньку”.

От автора (продолж.):

...но они не виноваты,
да и мы тут не при чем.
Много денег, мало денег —
каждый, каждый в жизни пленник.
На ногах у нас колодки —
в виде бабы, в виде водки,
в виде совести больной,
в виде повести большой.
Не уехать нам с Кавказа,
не видать конца рассказа,
Вечно тянется обоз.
Бородой Толстой оброс.
По дороге без развилин
едут Жилин и Костьлин
и сливаются в одно
зо-ло-тис-то-е-пят-но.

КРЕЩЕНЫЙ ЕВРЕЙ

(Из восточнославянского фольклора)

1. Песня

Ой, шнурок крученый
на колене черном.
Едет жид крещеный
на коне леченом.

Красная рука, задумавшись на колене, крепко держит на шнурке образ св. Угодника Николая Мирликийского. Мирликийский спасает. Жидовское черное пальто сильно забрызгано от лошадиных копыт, а шапка меховая, недешевая. Он не поет и не свистит, а смотрит перед собой и ухмыляется своей мысли. Это мысль о граненой охалке хлебной водки и стакане душистого овса: от долгой дороги мысли бывшего жеребца и бывшего еврея стряслись вместе, оба шумно тянут ноздрями. Но входит запах только холода и влаги. Проехали редкий дождик, застрявший над распаханым паром, въехали в березняк, более черный, чем белый, в пасмурную пору. За лесом всадник угадывает по сгущающейся хмурости время, стаскивает левой рукой шапку и, скорее создавая в своем слухе, чем слыша, колокол невидимой церкви, осеняет себя крестным знаменем: вниз они едут к бедным русским избам без огней в окошечках господи помилуй — и верный принятому правилу путник больно стучит красным суставом указательного в мокрую доску первой же двери.

”Это кто?” — пугливо спрашивают.

”Отец В’адимигх из Свято-Отгхоческой обители”, — отвечает просящий ночлега, с трудом сажая русские звуки на ту интонацию, цель которой торопливо умалить, высмеять и почти отменить смысл произносимого. ”Вже

ви мене пустити ночевать гхадн Гхиста?"

Из-за двери доносится молчание, означающее борьбу своекорыстия со странноприимством, только неожиданно громко прорывается пояснение: "Монах жидовский". Все это заканчивается мокрым лязгом щеколды и вонючей волной парного тепла.

"Входи Христа ради. В хлевушке и ночуй".

Телушка — подушка,
соломка — покрывало,
хоть ты и крещеный,
веры тебе мало.

Ночь — утро.

Меховую шапку,
скажем, потеряли,
а коня-лошадку
цыганы украли.
Ой!

2. С к а з к а. "Камень"

*НАПРАВО ПОЙДЕШЬ — ПРИВЫКАЙ К СУМЕ
НАЛЕВО ПОЙДЕШЬ — НАСИДИШЬСЯ В ТЮРЬМЕ
ПРЯМО ПОЙДЕШЬ — ПОВРЕДИШЬСЯ В УМЕ
НАЗАД ПОЙДЕШЬ — ЗАХЛЕБНЕШЬСЯ В ДЕРЬМЕ*

Читал он внимательно, словно особый урок, крючком указательным дергал шнурок, как курок, и он наконец осенил себя знаком креста, и конь повторил его жест движеньем хвоста, и он наклонился к замшелому валуну, и его обхватил, и надулся, и молвил: "А ну..."

(иль это молвил Хранитель с огнистым мечом,
незримо паривший над вздернутым левым плечом?),
и вывернул волглый валун, от натуги треща,
и его сковырнул с дороги в побеги хвоща,
в улиточный сочень, в мшанину, в гнилую бочагу,
и снова залез на коня, и коняга прибавил шагу.

Примечание: Читатель скажет: "Он у вас дурак.
Хоть к черту апеллируй он, хоть к Богу.
Знак "поворот", допустим, только знак,
его убрав, не выпрямишь дорогу".
Да, так у вас, а вот у нас не так,
и он не зря старался, вставши раком:
по-нашему, тот, кто разрушил знак,
разрушил обозначенное знаком.

3 Гимн

*На небе, как в Голубиной Книге,
еврейская грамота березняка.*
Михаил Еремин

Ой, закончились долгие поиски
главной книги одной.
Лес ты мой, лес, белорусский и польский,
русский, литовский, родной.

Ой, мой дремучий, ветку нагни-ка,
что напечатано тут?
Лес ты мой, лес, моя главная книга,
самый толковый талмуд.

Это читается или поется,
или бормочется как?
Даже тростник в придорожном болотце
что-то осмыслил, дурак.

Крепкие четкие листья топорщат
Ясень, Береза и Бук,
будто подвыпил под Праздник Наборщик,
Все Понабрал С Больших Букв.

Ах, Не Удержишь Кукушек И Горлиц
От Прорицаемого.
Ключ Я Нашел От Неотпертых Горниц
В Доме Отца Моего.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Сижу под вечер стихший,
застыл, как идиот,
одно четверостишие
с ума нейдет, нейдет:
*Вся сцена, словно рамой,
Окном обведена
И жизненной драмой
Загадочно полна.**

Среди российских скальдов
известен ли К. Льдов?
В завалах книжных складов
знать не сыскать следов.
Весь век его невнятен —
атласных канапе
и золотушных пятен,
и Чехова А. П.,
от водочки к боржому
"эпоха малых дел"
(как будто по-большому
никто и не хотел).
Взволнованные речи
и бархатный жилет,
и волосы по плечи,
чтоб знали, что поэт.
Папашины клистиры,
папашин стетоскоп.
А в церкви, где крестили,
все усмеялся поп.
Но Розенблюм не хочет
быть Розовым Цветком,
а буква "ль" щекочет
красивым холодком,

---

* Из стихотворения К. Льдова "Швея" (1890)

и веет грустной сказкой
красивый псевдоним
с оттенком скандинавско-
славянско-ледяным.
Слова он любит — "драма",
"загадка", "трепет", "рок",
и только слово "рама"
вдруг стало поперек.
А девушка машинкой
в окне стучит, стучит,
и что-то под манишкой
в ответ стучит, стучит,
и что-то вроде гула,
и ясно не вполне,
но что-то промелькнуло,
послышалось в окне.
Не "тема женской доли",
не Маркс, не Томас Гуд,
да чорта ли в том что ли,
в "Биржевке" все возьмут.
"Проклятые вопросы"?
Да нет, не то, не то...
И пепел с папиросы
спадает на пальто.
*Вся сцена, словно рамой,
Окном обведена
И жизненною драмой
Загадочно полна.*

Ньюхемпширский профессор
российских кислых щей,
зачем над старой книжкой
я чахну, как Кашей,
как будто за морями,
сыскали мой дворец,
как будто разломали
заветный мой ларец,

как будто надломили
тончайшую иглу,
и здесь клубочки пыли
взмываются к стеклу,
и солнце проникает
в мой тусклый кабинет,
на книгах возникает
мой грузный силуэт,
вся тень фигуры в кресле
сползает по стене
и, видимо, исчезнет
минуты через две —
*Вся сцена, словно рамой,
Окном обведена
И жизненной драмой
Загадочно полна.*

”ЛЕБЕДЬ ПОТА ШИПА РАН”

(Многоступенчатая нордическая метафора:
*шип ран – меч: пот меча – кровь: лебедь
крови – ворон.*)

1

В доме варежки вяжут варяжки,
в доме тихо, тепло, полумрак.
В генеральской тужурке, фуражке
на войну уезжает варяг.

В генеральской тужурке и стрижке
волосок к волоску, полубокс,
и, полвека привычно остриженный,
приносит швейцар: ”Полубог-с”.

Сквозь зеркальные стекла подъезда
дочь-курсистка угрюмо глядит.
Черный паккард срывается с места.
Черный ворон на битву летит.

2

Для филолога это не диво,
карандашик слегка обведет,
в липковатом комке генитива
предсказуемы ”меч”, ”кровь” и ”пот”.

Чу, часы заворочались — девять.
Библиограф подходит опять.
Остается невыяснен ”лебедь”.
На столе позабыта тетрадь.

Невский умер. Подходит девятка
и увозит в туман, гололедь.
Ах, надолго забыта тетрадка!
Белый лебедь остался белеть.

3

Пациенты боятся наркоза,
но сдаются в тоске и слезах.
Рваной раны огромная роза
распускалась у всех на глазах.

Ковыряясь в глубинах разреза,
уже просто рукой без ножа
извлекая из мяса железо,
пел: "Пощады никто не желает..."

Медсестра с драгоценною ватой
подошла ему лоб обтереть,
и мгновенно комок сероватый
кровь и пот пропитали на треть.

4

"Слово о половецком разгроме,
о "Варяге", идущем ко дну,
Ермаке перед смертью в истоме —
все сливается в тему одну".

Подготовлен доклад к семинару.
Вдруг, при поиске беглом ключей,
хмурый взгляд упирается в пару
на тужурке скрещенных мечей.

На мгновенье отбросило фото
для фотографа сделанный вид?

Или стукнула дверь? Иль всего-то
запах шипра? Но меч глянцевит.

* * *

*Запах шипра, но меч, глянцевит,
кровь и пот пропитали на треть.
Черный ворон на битву летит.
Белый лебедь остался белеть.*

РАЕК НЕСКЛАДУХА СОЧИНЕННЫЙ ДЛЯ ОБЛЕГЧЕ
НИЯ ДУХА И ВОЗВРАТА К ЖИВОЙ НАТУРЕ ПОСЛЕ
ОКОНЧАНИЯ КНИГИ ЭЗОПОВ ЯЗЫК В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ****

призрак бродит по европе борода на круглой жопе и бормочет эта блядь плохо гроши зарабатывать и доносится из кринки в серопегой бороде продается труд на рынке и вообще бардак везде а дальше вот чего было дарвин энгельс клод бернар завалились на базар купите ка укро па у питекантропа эвон гляди тка бабка троглодитка про дает юбку джерси вязала из собственной шерсти а в углу орда еще не очеловеченных воздействием труда чумазые павианы продают мимозу и пионы а дальше вот чего бы ло как потеряли пролетарии свои цепи разбежались в ле са и степи кто на дерево залез кто в канаву запрыг а рыжий в кепи на броневик по броньце копытцами как запристукивает русь матушку бесами как заприпугива ет троцким багрицким урицким шербицким богданом хмельницким тимошенкой евтушенкой шульженкой катаевым кербабаевым кара караевым райкиным хай киным львом квитко отцом дудко воскресенской возне сенским рождественским а дальше вот чего было тут чуковский с мандельштамом а еще евгений шварц наря дясь гиппопотамом путешествуют на гарц ура ура ура они поймали комара и давай народ дивить комара давай давить и народ не мог не понять намек что раздавленный комар был в самом деле клод бернар

**** Lev Loseff, *On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature*, *Arbeiten und Texte zur Slavistik No. 31*, Herausgegeben von Wolfgang Kasack, Muenchen, Verlag Otto Sagner in Kommission, 1984, S. 274, DM38

БРАТЬЯ К.*

Куличики, калачики,
крестики, нули.
Папашку раскулачили,
мы трое утекли.

Один в Москве был банщиком —
не знали чудака?
Другой стал барабанщиком
в оркестре ЦДКА.

Нежнейшая натура
был банщик, не нахал,
следил, чтоб не надуло,
все дверки прикрывал.

Глаза его тюленьи
глядят то в пол, то в таз,
и в женском отделеньи
он замещал не раз.

Он видел в клубах пара
не прелести, не срам —
жнивье, полоску пара,
над речкой старьей храм.

Средь визга, лязга шаек
нашел себе резон —
он слышал крики чаек,
церковный перезвон.

---

* Издателю известна полная фамилия братьев, но здесь, по понятным причинам, она приведена быть не может.

Бурлит орава банная,
он, розовый, сидит...
А шкура барабанная
тем временем гудит.

Гудит тугая шкура
который год подряд.
Бунтарская натура
был барабанный брат.

Он буйная натура.
Он лупит, в раж войдя,
как будто это — шкура
Великого Вождя!

”СОЖЖЕНО И РАЗДВИНУТО”

*И все, чего нет на картине,
Ему пережить суждено.*

В. Шефнер

Березка. Девицы прическа.
Рассвета/заката полоска.
Виток (т. е. ветер). Волна.
”Дороги”. ”Закат над заливом”.
”Рассвет над проливом”. Стыдливым
петитиком — сзади — цена.

Ах, что-то не тянет смеяться,
а тянет дежурством сменяться
в дурную эпоху, в тот свет,
где из-под стеклянного шара,
набив в портмоне гонорара,
выходит на Невский поэт.

Он грустен: ”Обложка по Сеньке.
Халтура за медные деньги.
Заезжен размер, а строфа
разношена старой галошей.
Весь стих, как трамвай нехороший,
что тащится на острова.

Что делать — дурная эпоха,
все попросту пишут, да плохо,
что хуже и впрямь воровства.
Эх, грудь ты моя, подоплека,
всех помнишь, а вслух только Блока
и то с отрицаньем родства”.

(Что делать — дурная эпоха.
В почете палач и пройдоха.
Хорошего — только война.

Что делать, такая эпоха
досталась, дурная эпоха.
Другая пока не видна.)

Автобус! машина "победа"!
прошу, не давите поэта,
не смотрит он по сторонам.
В нем связь между нами и Блоком,
в ледащем, слегка кривобоком,
бредущем в плохой ресторан.

О муза! будь доброй к поэту,
пускай он гульнет по буфету,
пускай он нарежется в дым,
дай хрену ему к осетрине,
дай столик поближе к витрине,
чтоб желтым зажегся в графине
закат над его заливным.

3 РУБЛЯ

(случай в Москве)

В котельной
багров кагор близ колбасы отдельной.

И вдруг на трех рублях, где будто б знак,
он распознал масонский знак,
а в самой цифре 3
узрел звезду Давида.
Похолодело все внутри,
но он не подал вида.

Гремело радио, бодря,
всех призывая на заря-
дку. Встала над Москвой заря
тридцать второго мартабря.

Он принял в сквере двести грамм
и наблюдал, дремля,
свеченье красных пентаграмм
над башнями Кремля.

Он спал, но то был вещий сон,
в нем было 5 идей:

- 1) имеют башни облик свеч;
- 2) их ясно кто сумел возжечь;
- 3) Фиораванти — иудей;
- 4) Наполеон — масон;
- 5) .....

Оплывал потихоньку красный воск,
и левый мозг за правый мозг
поехал кое-как.

К себе домой через Крымский мост
шагает кочегар.

Из чувств он ощущал — тоску.
Он понимал, что проиграл
тому, кто хозяйничал в мозгу
и бодро ручки потирал,
и инструменты выбирал.
"Идем к тебе". "Идем ко мне".

Жена на службе. Суп на окне.
Ребенком воздух весь пропах.
Дьявол был во всех углах.

Проснулся он от тишины.
Все еще не было жены.
Он чувствовал конец игры.
Он знал, что́ было тишиной,
но брел проверить — не мокры
пеленки дочери грудной?
О да, мокры они, мокры.

DE PROFUNDIS

Лежит на стойке друг-котище,
глазища зеленой со сна.
Я говорю: "Налей, трактирщик,
зеленого налей вина,
налей мне чарку зелена".

Трактирщик говорит: "Ну, Леш,
ну, что ты, Леша, воду мутишь?
Я бы налил, да как нальешь!
Ну, а налью — как пить-то будешь?
Иди, иди, и так хорош".

Я бы пошел, да как пойдешь —
не вытянуть подошв из ила.
"Извозчик, друг, не подвезешь?"
"Один подвез... Куда — чудило!"
Зеленый плещется овес.

А эта церковь как была,
да только поп уплыл куда-то,
и бирюзовы купола,
а золото зеленовато.
А вот и рыбка подплыла.

Улыбкой рыбкин рот распорот.
Вот в китель влит порядка страж.
Уж он-то, знать, залил за ворот.
Так возвращаюсь я в наш город.
Ах, рыбка, рыбка, что мне дашь?

II

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Смотри, смотри сюда скорей:
над стайей круглых снегурей
заря заходит с козырей —
все красной масти.*

*О, если бы я только мог!
Но я не мог: торчит комок
в гортани, и не будет строк
о свойствах страсти.*

*А есть две жизни как одна.
Стоим с тобою у окна.
А что, не выпить ли вина?
Мне что-то зябко.*

*Мело весь месяц в феврале.
Свеча горела в шевроле.
И на червонном короле
горела шапка.*

АКВАРИУМ

Средь блесок и миног
купальщики скользят
с глазами между ног.
То голубее льда,
то изумруден глаз.
Глядит сквозь плексиглас
корявая звезда
и гладкая подлодка,
и вороная сплотка
ракет вода-вода.
Беззвучны их слова:

”Что гонит вас сюда
в сочельник Рождества?
Должно быть, холода.
А глаз у вас по два,
притом на голове.
Сквозь толстый плексиглас
они глядят на нас”.

Один о Рождестве,
смотри же в мир иной,
где сонный синий свет
выносит раскоряк
то медленных, то скорых.
Ты отделен стеной.
Смотри, сжимай в кулак
пять чувств, среди которых,
наверно, веры нет.

ИКОНА

Аквариум в сочельник Рождества.
Возможность невозможного коснуться.
Кошунственная рифма...

Черта с два!

Давно претит безвкусица кошунства.

Синеющий в сочельник Рождества,
он кажется то образом, то словом.
Там ангелов блестящая плотва
в зеленом, белом, розовом, лиловом.

Аквариум — в зеленом, золотом,
лиловом, розовом, блестящем, белом.
К стеклу прижаться лбом, глазами, ртом
и к слову, становящемуся делом,

приблизиться.

К стеклу всплывают лбы,
глядят глаза, подрагивает веко,
возможно, выделяя из толпы
стоящего так близко человека.

* * *

Жизнь подносила огромные дули
с наваром.

Вот ты доехал до Ultima Thule
со своим самоваром.

Щепочки, точки, все торопливое
(взятое в скобку) —
все, выясняется, здесь пригодится на топливо
или растопку.

Сизо-прозрачный, приятный, отеческий
вьется.

Льется горячее, очень горячее
льется.

ЧАСТУШКИ О ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ

Вот лопата для копания,
вот невесть зачем слова.
Эта зимняя кампания
меня с ума свела.

Снег рождается, чтоб падать,
в небе грош ему цена.
А у меня есть только память
и то, в чем роется она.

Вот компания какая —
ты да я, да мы с тобой.
Ни девицы, ни водицы,
ни улицы мостовой.

Охотник бегаёт, стреляя,
да зайца Бог оборонил.
Я шел, следов не оставляя,
и корзинку обронил.

В этой маленькой корзинке
бумажки, баночка чернил,
чужие песенки, картинки
и то, что сам я сочинил.

Подходите, дяди, тети.
Джентльмены, не отпихивайте дам.
Что хотите, то берите.
Душу, мысли, коль найдете.
Вот только рифмы не отдам.

* * *

Поэт есть пережной, в нем мертвые слова
сочатся, лопаюсь, то щелочно, то кисло,
звук избавляется от смысла, а
аз, буки и т. д. обнажены, как числа,

улыбка тленная уста его свела,
и мысль последняя, как корешок, повисла.
Потом личинка лярвочку прогрызла,
бактерия дите произвела.

Поэт есть пережной.
В нем все пути зерна,
то дождик мочит их, то солнце прогревает.

Потом идет зима,
и белой пеленой
пустое поле покрывает.

ПОЧЕРК

Треть пропить-прокутить,
треть в кулак просвистеть,
треть оставить сыночку и дочке.
Неприятно на собственный почерк смотреть,
на простывшие эти следочки.

Погулять погулял,
покутить покутил,
наследил карандашиком серым.
Сам не знаешь, как в эту дыру угодил
и каким это вышло манером.

Ни бумаги не надо,
ни карандаша,
только б сыпало инеем с веток,
да посвистывая б, погуляла душа,
погуляла б душа напоследок.

БАСНЯ

Один филолог
взбесился и вообразил, что он биолог,
стал изучать язык дубов и елок.
"И корни, и кора, и прочее мочало —
что б это означало?"
Природе ставил он любое лыко в строку.
Не проходило и денька,
чтоб на жаргоне ДНК
он бы не пробовал интервьюировать сороку,
ромашку иль гниущее бревно.
Природе было все равно.
Она могла мычать, могла молчать,
как будто нечего ей было означать,
как будто ей, природе, все равно —
поете вы ее иль на нее плюете.
Природа, как часы, заведена.

* * *

Мораль? Ах, да, мораль. Да ведь она,
как и грамматика, отсутствует в природе.

НЕБЫЛИЦА БЕЗ ЛИЦА

Под косыми лучами расклеился лист.
Под ногами скрипит августовский снежок.
Вот шагает, дурное затеяв,
хватанувши для храбрости на посошок,
удалой террорист, молодой нигилист,
столбовой дворянин из евреев.

На дому СОВЕРШАЕМ ТОРГОВУЮ КАЗНЬ.

*

ПОСТАВЛЯЕТСЯ *в розницу* МЕЛКАЯ РОЗНЬ.

*

ЧУТЬ *подержанная* КУХАРКА.

Хрипло лают себе из-под пса ворота.
Проезжает деревня окошь мужика,
не оглядывается, нахалка.

Деревянная ложка плывет мимо рта.
Из Каспийского моря вытекает река,
напускает такого туману,
что достанешь тетрадь — не видать ни черта.
Мы едва разбираем свои почерка.
Где уж это понять басурману!

* * *

Разбужен неожиданной тишиной,
белым внезапным с неба даяньем.
Отвергаю с негодованьем,
нет, с равнодушием, ужас ночной.

Вертикально вниз среди разветвлений
разных растений, растущих в саду,
сходит к нам Бог атмосферных явлений,
чтобы развеять нашу беду.

ЗЕМЛЯ

Стелле

Весь этот шарик, Стелла,
есть голова без тела.

На лоб надвинув кепку льда,
несется он невесть куда.

Вглядимся в глаз его мазут:
как слезы, корабли ползут.

Вглядимся в скул концлагеря.
"Смерть вырвала из наших ря..."

Чей это шепот-полусвист,
дыханье хладное зимы?

"Смерть выр...", как будто зубы мы,
как будто смерть — дантист.

* * *

Декабрьские дикие сны.
Ночи с особым режимом.
Не я, а рельефная карта страны
лежит на матрасе пружинном.

Из мелкой подушки мой питер торчит —
и надо же этак разлечься! —
то чешется вильнюс, то киев бурчит,
то крым подбивает разлечься.

Но слева болит, там, где кама течет,
в холодной пермяцкой подмышке,
где медленно капает время в зачет
несчастному Мейлаху Мишке.

КИНО

Обливаясь потом и сопя,
досидеть до конца сеанса
и наконец увидеть самого себя
сквозь темное стекло, еще неясно.

А

Вот он в саду, вот на коне, вот он
прикрикнул, и враги его исчезли,
порядок в государстве наведен,
вот он сидит непринужденно в кресле,
вот он, сей элегантности арбитр,
снимает мантию, откладывает скипетр,
становится за новенький попитр
и думает, и перышком скрипит.

В

Порядок в государстве наведен,
но оборванца грубый кашель выдал,
таких, как он, вышвыривают вон,
но стражник сделал вид, что не увидел,
вот на него тяжелый снег валит,
он голоден, он скрючен, он завшивел,
вот он плетется, гнойный инвалид,
и смотрит, и губами шевелит.

ПИСЬМО

Никто не приносил письмо.
Оно пришло сюда само.
На штампе мерзость, муть и мрак.
На марке ядовитый знак.
Был адрес непристойно груб,
и клей припахивал, как труп.

Бесстыдно сбросив свой наряд,
подгнивших строк ощеря ряд,
в витиеватой волосне
оно придвинулось ко мне.

Я повалил его рукой,
оно задрыгало строкой,
и подпись где-то на краю
хрипела: "Я тебя ую".

Чтоб не прочесть, я снял очки.
Я разорвал его в клочки.
Предупредил жену: "Не тронь".
Потом пошел, развел огонь.
И корчилося оно в огне.
И искры прыгали ко мне,
и жглись, визжа: "Ваш ис-крен-не...
Ваш ис-крен-не... Ваш ис-крен-не..."

ОДНОМУ РАСТЕНИЮ

Слишком витиевато и длинно,
мельтешит, неудобно для глаз.
Что-то слишком растительность, Нина,
распустилась в гостиную у нас.

Зелень вьющуюся, кривую,
торжествующую, кум королю,
я терплю ее, сосуществую,
не воюю я с ней, но люблю

толстомясое злое алоэ,
что колючками в воздух впилось.
Так и надо. Расти, удалое!
Протыкай этот воздух насквозь.

По-солдатски, мол, радо стараться,
грудь на бруствер — и враз вылезай.
Ты — хирург. Оперируй пространство,
пустоту из него вырезай.

Запускай колючки
в душу мою.
Я тебя с получки
коньяком полью.

Памяти С. К. (1936—1984)

1. С м е р т ь

”Министерство финансов объединить с морским,
казначейство переедет в Адмиралтейство,
в освободившемся здании учредить девиц...”

Роза Эльзаса, последний росток обрусевшего рода,
исчезнувшего одновременно с переименованием
Итальянской в улицу Ракова,
пока он засыпает в объятиях морфина,
репродуктор наяривает Четвертый этюд Метастазиио

или это в мозгу расскрипелся последний Ойстрах,
или сосны скрипят на злокачественном песке

Песочной,

или подъемные краны?

Онкологический городок
напухает новыми корпусами,
недоброкачественно возводимыми
методом народной стройки.

2. Ш а н с о н е т к а

*По Невскому гуляла
прелестная Катрин.
Так что же в самом деле
ее мы не кадрим?*

*Чего стоим на месте,
не видим, дураки,
сквозь платье кружевное
виднеются шнурки.*

А мы глядим на серый
за Мойкою фасад,
там весело нам было
лет двадцать пять назад.

Вот музыкой торгует
высокий магазин,
улыбки возбуждая
у дам и у мужчин,

мелодийка-поземка
взвивается, сквозя,
и кое-что другое,
о чем сказать нельзя.

УЛЬТИМАТУМ

Не знаю ваших Плешек, Пресен,
тем паче Юг неинтересен
(шаланды полная кефаль),
Сибири вовсе мне не жаль.

Мне жалко Северной Столицы.
Здесь, посредине заграницы,
сижу, зубами скрежеща,
как Надсон, высланный на ща.

Моих стихов узор чугунный,
прозрачный сумрак, блеск безлунный —
все это вроде ничего,
но не заменит ничего.

Нет, я путем переговоров
или, смилив свой мирный норев,
пошлю воинственную рать,
чтоб это дело отобрать.

Вам-то зачем Окно в Европу —
чтоб выставлять оттуда попу
и тем Европу забавлять?
Европе, право, наплевать.

Отдайте мне мое окошко!
Запрыгну на него, как кошка,
вальяжно лягу на карниз,
усы и брови свешу вниз,

увиджу: люди на добычу
выходят, голос различу
и, может, что-то промурлычу,
а, может, лучше промолчу.

В ГРОССБУХ

Я по природе из тетерь.
Не перечеть моих потерь —
стихов, приятелей, ключей,
в дымину пропитых ночей;
то телефонный разговор
похитит полчаса, как вор,
то дети как-то без затей
вдруг выросли — и нет детей.
Я давеча, страшась сумы,
у дара своего взаимы
решил спросить. Какой удар!
Мне отказал мой дивный дар.
И ты, Брут! Так сказать, *et tu!*
И ты показываешь тыл?
А Муза Памяти? Тю-тю,
ее давно и след простыл.
А Муза Разума? Она
сама в себе отражена
и не дает, зараза, в долг.
Мой лучший друг, Тамбовский Волк,
мотает серой головой:
я, дескать, сам пустой, хоть вой.
Давно уж Музы ни гу-гу,
давно уже сидит в мозгу
бухгалтер, а точней — чекист.
Командует взять чистый лист,
число поставить, месяц, год
и записать: в расход.

ГОСТИ

1

Как солнечен день в ожиданье гостей!
Приедут вот-вот, привезут новостей,
с гостинцами пухлые сумки,
и общий огонь нас прожжет до костей,
когда опрокинем по рюмке.

И наш разговор с убыстреньем пойдет,
как мельницы Шуберта водоворот,
все-все в себя вовлекая,
и недруг вдали непременно помрет,
икая, икая, икая.

2

Была унесена посуда.
Была продолжена беседа.
И шла, и шла, и шла, покуда
не подошла пора обеда.

Была принесена посуда.
Беседа. Стук ножей и вилок.
Ах, жизнь по сути только сумма
таких минут неуловимых.

3

”А, может, еще, на посошок?”
”Да нет, нам пора в дорогу.
А ты бы, что ли, лампу зажег,
зажег бы ее, ей богу”.

Простыл на снегу протектора след.
Я посуду вымыл и вытер.
А свет — для чего мне включать этот свет,
чего я при нем не видел?

ОБ ОБУВИ

И...! Брось свои котурны!
К чему они, е... ..ь?
Ведь мы не так уж некультурны,
чтоб просто так не понимать.

Зачем Урания, Августа —
чтоб в трепете зашелся жлоб?
А вот название "Капуста"
для лирики не подошло б?

Но нет, И... не внимает,
он из кармана вынимает
опять латинский лексикон.
Его влекут богини, боги.
И прячем мы босые ноги,
хоть любим шлепать босиком.

ПОЛЕМИКА

Нет, лишь случайные черты
прекрасны в этом страшном мире,
где конвоиры скалят рты
и ставят нас на все четыре.

Внезапный в тучах перерыв,
неправильная строчка Блока,
советской песенки мотив
среди кварталов шлакоблока.

НЕ БЕЗ КОНЦА ЖЕ

Светлейший выкатил бельмо:
“*Bon mot in deutsch? Man sagt der mot!*”
И он захохотал светлейше.
А на стене —

борец сумо
живот показывает гейше.
Японка понимает шутку
и снисходительно свистит
в свою бамбуковую дудку,
а на стене у них висит
раскрашенная гравюрка —

то ли еврей, то ль рыжий турка
с голландкой розово-свиною.
Он тщится ей офорт продать.
Офорт —

повернут к нам спиною,
и что на нем, нам не видеть.

ФИГУРЫ ПЕТЕРБУРГА

Идиллия

Милая идиотка, Анестезия Всхлиповна,
подкиньте в камин деньжонок, а то что-то стало
холодать, что-то руки, ноги
стали зябнуть, не
послать ли за бутылкой
гонца? Только кто отважный, с душою
пылкой, рожденной в подполье,
большою, решится
в такую пору?

.....

Князь! Вы так благородны!
Только не подскользнитесь — темен
подъезд и загажен кошкой!
Только не захлебнитесь, переплывая Большую
Невку! Только не попадитесь разбойникам Малой
Охты! Пошаливают на Охте.
Невка в бурливой пене.
Когти поганая кошка о мраморные
ступени точит.

.....

Слева вернувшийся Мышкин.
Кошкин дождавшийся справа.
Между друзьями Всхлиповна сумеречно сияет.
(Красою сияет Всхлиповна между врагами.)
Втроем они составляют
равнобедренный треугольник.
В центре стоит бутылка.
На 60 %
наполнена невской водою.

III

ЛЕВЛОСЕВ

Левлосев не поэт, не кифаред.
Он маринист, он велимировед,
бродскист в очках и с реденькой бородкой,
он осиполог с сиплой глоткой,
он пахнет водкой,
он порет бред.

Левлосевлосевлосевлосевон-
онононононононон иуда,
он предал Русь, он предает Сион,
он пьет лосьон,
не отличает добра от худа,
он никогда не знает, что откуда,
хоть слышал звон.

Он аннофил, он александроман,
федоролюб, переходя на прозу,
его не станет написать роман,
а там статью по важному вопросу —
держи карман!

Он слышит звон,
как будто кто казнен
там, где солома якобы едома,
но то не колокол, то телефон,
он не подходит, его нет дома.

ДВЕНАДЦАТЬ КОЛЛЕГИЙ.
ЭЛЕГИЯ В ТРЕХ ЧАСТЯХ

*

Бог умер.

Ницше.

Ницше умер.

Бог.¹

В уборной стонет сизый голубок.
За дверью 00 (два нуля) хорал воды проточной,
И посетитель беспорточный
среди мрамора сидит, как полубог.

Усвоив шутку с зеркалом внутри,
неспешным оком осмотри
сырые стены мраморной пещеры.
Здесь части тел ведут свою войну,
забыв предохранительные меры,
ужасные в длину и в ширину.

... бог умер ницше : ницше умер бог...

Напухших пушек дула смотрят вбок
поверх бойниц курчавых. Из бойниц же,
раскрытых между ног, как третий глаз,
на нас глядит не Бог, не Ницше,
незнамо что глядит на нас.

**

Дом, именуемый глаголом — "лгу",
пустынных волн стоял на берегу
и вдаль глядел. Пред ним неслись "победы",
троллейбусы, профессоры, народ,
красавицы и наоборот,
и будущие эзоповеды.

За чтение на картошке “Also sprach...”
ах, некогда мне было там sehr schwach.
Я там узнал, что комсомол неистов,
что, что бы я им там не плел, козел,
из этих алкашей и онанистов
со мной никто б в разведку не пошел,
что я — змея, побег дурной травы,
что должен быть растоптан и раздавлен.

Но тут примчался папа из Москвы,
просил, и я был, так и быть, оставлен.

Я на допросе препирался с про-
(зачеркнуто) — на зачете с Проппом.
Я думал сказки — то, се, зло, добро,
а Пропп считал избушку гробом.²

И Пропп был прав, а я не прав. И вот
ко мне избушка повернулась задом.
В разведку не был послан я отрядом,
но поворот мне вышел от ворот,
где забивает целый день козла,
а польт не принимает гардеробщик,
где темная Нева под льдами ропщет
извне добра и зла.

***

Университет похмельной лиги.
На железных полках дрыхнут книги.
Перестрелка теннисных мячей.
Все всегда кончается ничьей.

Старички в штанишках сухопары
и старушки (смешанные пары).
Скованный склероз телодвиже-
ний, как пары рифм: две м, две Ж.

Теннисная схватка без ракетки.
Пишущая машинка без каретки.
Пыльное, без форточки окно.
Темновато. Впрочем, не темно.

Прогуляться возле стадиона.
Не студено? Вроде, не студено.
Но нельзя сказать, чтобы тепло.
Два овала вялых на табло.

Примечания

- ¹ Граффити, часто встречающееся на стенах университетских уборных в США.
- ² См. В. Я. Пропп "Исторические корни волшебной сказки".

В ТРАКТИРЕ ПОД МАШИНУ

Б. Пармонову

А у меня ни пуха, ни пера,
и, кроме родины, ничем я не торгую,
но не берут лежалую такую,
им, вишь, не надо этого добра.

На мне не выживают даже вши,
не переносят запах алкоголя,
а мне уж под полсотни, а какое
народу дело: "Лесов, попляши".

Я делаю ногою толстой па,
одно вперед и два назад, как Ленин,
сгибаю с треском старые колени,
и сдержанно хихикает толпа.

На Дерibasовской готовят жидкий супчик,
машина в дырочку проталкивает зубчик,
какой приятный краешек, уступчик,
дрожат огни, шагни туда, голубчик.

Эк, тело, доплясались мы с тобой,
что отчебучиваем за балеты.
Машина заиканьем заболела:
"По мостовой... стовой... стовой... стовой..."

АВТОПОРТРЕТ С РАСТЕНИЕМ

Засим я себя нарисую в укропном венце,
с листочком для крепости черносмородным на нижнем конце.
Я крепкий огурчик. Я даже не сорван пока.
Амурчик над темечком пляшет еще гопака.
Вот свиток развернут, на коем начертан чертог,
где я обучал иноземца читать между строк.
(И было неведомо мне, дураку,
что мой иноземец читать не умеет строку.)
Гляжу на нетолстую пачку оставшихся дней.
Так чем же займемся? Займемся пусканьем корней.
Растенье в цветочках? Растенье, ушедшее в плеть?
На цветоплетенье почти неприлично глядеть!
Запустим-ка корни в подзол иностранной земли,
чтоб шар этот черный они бы насквозь проросли,
чтоб вылезли, если не клейким листочком в земле земляков,
хоть тощим росточком
среди трещин асфальта, окурков, обрывков, плевков.

* * *

Останься пеной семиозис.
Мысль изреченная есть что-с?
Вам все игрушки, все смеетесь,
как бы вам плакать не пришлось.
(De la musique avant toutes choses —
мысль изреченная есть что-с?)

Вот телефона белый ужас,
вот трубки белый унитаз.
Лицо, побагровев, натужась,
выдавливает пару фраз:
одно корявое словечко,
одно прямое, точно свечка,
два-три овечьих катышка
бесчеловечного смешка.

СЛОВА ДЛЯ РОМАНСА "СЛОВА"

Слова, вы прошлогодняя трава:
вас скосишь и опять вы прорастете.
Счета оплачены и музыка права,
и дирижер с бухгалтером в расчете.

Устроим праздник, поедим, попьем,
поделимся осенним впечатленьем,
что расстояние и площадь, и объем
искажены шуршанием и тленьем.

Знать горизонт, почуяв холода,
в тугой клубок свернулся по-кошачьи.
Что делать, не скакать же по-казацьи —
нет лошади да и вообще куда?

Сибирской сталью холод полоснет,
и станет даль багровою и ржавой,
магнитофон заночует Окуджавой
и, как кошачий язычок шершавый,
вдруг душу беззащитную лизнет.

Я складывал слова, как бы дрова:
пить, затопить, купить, камин, собака.
Вот так слова и поперек слова.
Но почему ж так холодно однако?

ИЗБА

Если уж очень нужно тепла,
кажется, черту душу продашь,
Канта отточенный карандаш
нам нарисует четыре угла.

С холода вдруг да привыкнуть к теплу
трудно, но Федор Михалыч допер:
повесил икону в красном углу,
в не менее красном поставил топор.

Печка да свечка да пол с потолком.
Кто-то снаружи летит мотыльком,
кто-то разглядывает сквозь стекло
наш незначительный свет и тепло.

ПРИСТАНЬ

”Возможно ли не верить в бессмертие души,
но все же слушать ангелов, посланников Господних?”

Ждет отправленья пароход, а я стою на сходнях
и подо мной мелка вода и шумны камыши,
и незнакомый бережок передо мной в тиши.

”Ведь я могу сказать ”ревью”, могу сказать ”еврю”,
так почему же я одно никак не говорю?”

Две рюмочки волнуют кровь, но не открыться рту.
Ах, жаль друзей и багажа, что остаются на борту.

На берегу туман, трава,
туман и тишина, тропа,
туман и все-таки тропа свое не прекращает гнуть.
Пора куда-нибудь шагнуть —
уже трубит труба.

HOMO LUDENS

*I read the Bible for the first time when
I was twenty-three.
It leaves me somewhat shepherdless, you see.*
Joseph Brodsky

После изгнания из Рая
Человек живет играя.

Он видит за воротами райской кущи,
как ключ знакомится с замком,
и веселится еще пуце.
Ну, как не щелкнуть языком!
Как на подругу не взглянуть,
заставив покраснеть чуть-чуть.

"...над водами. Земля же
была безвидна и пуста".

В вышеописанном пейзаже
родные узнаю места,
их уроженца, доброго и злого
(слезой кристален, калом бур),
итак, в начале было Слово,
в конце выходит каламбур.

В начале был он создан Богом,
но вышел плохо, вышел боком,

кустарно вышел, как корзинка,
мочалка, веник, решето.
Прочтя на корешке: *Huizinga*,
орет: "Что — Зинка? Зинка — что?"

Однажды, точно искру в саже,
Бог различит его в пейзаже.

А это кто там, схожий с крабом?
Почти раздавлен жизни скарбом,
а норовит все трепака.
Нет, вы видали дурака?

* * *

Угоден ли Богу писуля
из тех, кто мусолит кивот,
кто имя запретное всуе
в слюнявые строчки сует?

Угоден ли раж неофита,
хвалы рыхловатой халва?
...А вот у тебя недопито
с утра, и трещит голова,

и что-то клещами зажало,
зажало клещами в груди.
"Смерть, смертушка, где твое жало?"
"Где жало? А вот — погляди".

Угоден ли Богу агностик,
который не знает никак —
пальто ли повесить на гвоздик
иль толстого тела тюфяк?

* * *

Памяти А. А. Тарковского

Стерва ворона закаркала,
не удержалась, трепло.
Публика с берега зыркала.
Нерукотворное зеркало
к нам по реке приплыло.

Вот ведь какое сокровище.
Что же, помолимся, прах,
перед свечой несгорающей,
глядя на строгий стареющий
лик в близоруких очках.

ТУАЛЕТ

На подзеркальнике мерцали цацки —
нецке, цепочки, выщипанки, кольца, яйца,
снесенные под пасху Фаберже,
а возле дымно-розовых флаконов
венецианских, датской голубой
свиньи вся в инкрустации шкатулка
персидская, хранилище квитанций
за газ, за телефон, за свет, рецептов
на остро-дефицитный стрептоцид,
на красном дереве в прожогах от щипцов
пороша розовато-жирной пудры,
а золотой цилиндрок ярко-красным
пятном отметил голубой конверт,
где вместо марки черный-черный штамп:
ПРОВЕРЕНО ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРОЙ —
ЙОРУЗНЕЦ ЙОННЕОВ ОНЕРЕВОРП,
поскольку розовое, голубое,
персидско-датское, щипцы и стрептоцид,
все это пробиралось в зазеркалье,
где и мерцал в венецианском дыме,
беззвучно квохча, Фаберже — он снес
цепочку или нецке иль кольцо?
рецепт на телефон иль веронал?
иль это галицийская безделка?
.....
.....
над этим миром жило не лицо,
а черная бумажная тарелка,
играющая "Интернационал".

1945

1. В городе

Колесница Аполлона
и коринфский завиток,
и еще неопыленно
на пчелу глядит цветок.
Триумфаторы в колоннах
маршируют на восток,
и в коленках оголенных
восхищенья холодок.
Победитель над Европой
на хоругви с Ильичом,
а рябой и черножопый
в нем еще не уличен.
Но узнает вся Европа
свою страшную судьбу,
красный ангел агитпропа
дунет в длинную трубу.
Пусть весельем Запад занят,
снова волею Москвы
с наших стен летят на запад
гидры, гении и львы.
На рассвете леденеет
бронзовый полугрузин,
злая тень его длиннеет,
медный конь под ним бледнеет.
Зри! он пальцем погрозил.

2. В лагере

Взгляд по-грузински тяжел:
"Лифшиц, стань перед строем

и расскажи, как дошел
ты до жизни такой”. (Ужо им!)
”Первый отряд на пропол-
ку, остальные на встречу с героем”.
Волей-неволей-бол
перед отбоем.

Сон, перерезанный в шесть
горном. Подъем. Зарядка.
Рукомойни громкая жесть.
В уборной страшная ватка.
Кинофильм ”Пионерская честь”.
Полдник. Булочка. Сладко.
Что-то кровавое есть
в слове ”кровать”.

ПЕЧКА

Когда они пришли покончить с ней,
вооруженные железными вещами,
никто не заступился. Только я,
вооруженный жадным любопытством,
пришел глядеть. Я видел первый страшный
и в сущности решающий удар
кувалды. Хруст. Тяжелое дыхание.
Взметнулась пыль, как седенькая кичка
над надвое расколотой башкой,
и с прозеленью медные глаза
взглянули на меня со дна, с поддона,
из бездны, что всегда под нашим дном.

3 копейки. Орел

*Орел глядит на Запад и Восток.
Орлиный зрак пустынен и жесток.
Там поднимается проклятьем заклеянный.
Там занимается закат лимонный.
Посередине Александр Блок.
Орел глядит вовсю. Знать, только медь
умеет так медлительно глядеть.
Орел глядит, как не умеем мы,
хотя есть и у нас четыре глаза,
на наступленье временного класса,
на наступленье тьмы.*

3 копейки. Решка

*Два завитка кудрявой цифры 3
не тривиальны, что ни говори,
и буква ять, след от копья в копейке,
стоит с крестом, в монашеской скуфейке,
с кузминскою улыбочкой внутри.
Стоит или сидит? Знать, только ять
умеет так сидеть или стоять.*

*Ять полустерт, как-будто знает он,
что со своей природою двойною
он устарел, что новою войною
он будет отменен.*

**Печник, печник! ты в основанье печки
монетки кинул просто так, на счастье,
не думал ты, что на свои алтыны
сумеешь столько вечности купить.
Их тихий звон внушает ликованье,
подобно неразменному рублю
они всегда звенят в моем кармане.
Я многое на них еще куплю.**

БАНЯ

*...где душа?
Или только порошок
Остается после смерти?*
Н. Заболоцкий

*Есть душа — она не пар,
Оттого и жалко...*
Вл. Лифшиц

И з м ы л ь н и в п р е д б а н н и к

Из тепла только банное помню тепло,
из стекла только зимнее помню стекло —
посинело оно, запотело.
Помню грохот и хохот и русский народ,
да мочалкой над шайкою кто-нибудь трет
всей страны одичалое тело.
Там обрубок культуры повис, как кулья.
Инвалиды ввалились в предбанник галдя,
друг о дружку трутся рубцами.
Тот с осколочной раной, а тот с ножевой,
и такой, видно, пьяны водой неживой,
что ее не заесть огурцами.

Н а д п и с ь н а с т е н е

*Нынче мылся в этой бане пехотинец —
ветеран, награжденный орденами,
Подопригора Иван!**

---

* Из повести Вл. Лифшица "Петроградская сторона".

Б а н щ и к

У него не много ног,
у него всего одна,
он читает "Огонек",
сидя у окна.

К а б и н е т д и р е к т о р а б а н и

Товарищ Сталин в двух блестящих сапогах,
товарищ Стулин на четырех ногах,
товарищ Столин на своих дубовых,
заслушав сообщенье
товарищ Радио о том, что хороши
весной в саду цветочки, постановили:
не выключать. Следующий вопрос:
Москва — Пекин и где директор бани?
Директор бани вызван в горкомхоз.

П а р и л к а

Поддавай, поддавай, кочегар!
А ведь я и не знал до сих пор,
что душа — действительно пар,
и она уходит из пор,
ускользнет — только дверь отопри,
в фортку облачком — был таков.
Вознесешь меня? Вознесу.
Плыть среди других облаков
над собой, что шагает внизу
с пузырями пивными внутри.

ОДА НА 1937 ГОД

I

Какого-то забытого... Ах, что ты,
какого-то известного числа
был день рожденья новой ноты —
она вдруг народилась и росла,
и выбивалась из мотивчика,
как Горький в люди, как грудь из лифчика,
как гордый чуб на запорожский лоб;
то ль вычесал ее Пикассо из гитары,
то ль завезли ее на Русь татары,
то ль мальчик по стеклу ножом проскреб.

II

Идет июнь, как рекрут в сельсовет.
Стоит террор, как солнце над Союзом.
Лежит зародыш в виде запятой.
Уже пошла девица за водой,
а азбука раззявилась арбузом,
уже Крылов настроил свой квартет.
Идет июнь с гармошкой в сельсовет.
Летают стратонавты над Союзом,
над женщиной с ее огромным пузом,
трамвая ждущей, а его все нет.

III

Отполирован к празднику гранит,
спит сад в своих чугунных папильотках,
в Египте карабинных пирамид
восходят ночью звезды на пилотках

и медные посередине ремня,
в столице стены древнего кремля
подкрашивает утро нежным светом —
так мама марганцовочкой кропит
опрелость. Огорченный туалетом
сын человеческий ревет ревмя.

IV

Угас Якир и Блюхер наш потух,
за Тухачевским рухнул Уборевич.
Клюется в жопу жареный петух.
Бо-бо, но ничего, переболеешь.
Зачем летишь ты, тополиный пух —
листочков всех ты не переболеешь:
челюскинцы! из челюстей! зимы!
удалены по одному, как зубы...
Звезда Бессмыслицы дает взаймы,
но только незначительные суммы.

V

”Что ж, будем петь, пуская петуха,
поменьше пить, потешничать потише”, —
так думал Даниил Иваныч Х.
А рядом Михаил Михалыч Э.
ел бутерброд, прихлебывал розе
и думал: ”Это надо же, поди же,
не заросла народная тропа,
напротив, ежедневно прет толпа
играть и жрать у гробового входа”.
(Уходит, не докусав бутерброда.)

VI

Сто лет назад от выстрела в живот
скончался в корчах Александр Пушкин —
вот почему народ навеселе.
Но почему нам подают телегу?
Но почему нас дудочка зовет?
Но почему, презревши сон и негу,
по матушке лошадку кроя,
летишь, как первый парень на селе,
откликнуться на голос русской крови
своей седьмой водой на киселе?

VII

На холмы Грузии легла ночная мгла,
Бессмыслицы Звезда себя зажгла,
и вот что выясняется дотла:
поэзия есть базис и надстройка —
поет как флейта и скрипит как койка,
она летает над самой собой,
как над погромной кровью пух перинный,
как МИГи над Курильской грядой,
как дух в ЦПКО над резедой,
как в ЦДЛ душок над осетриной.

VIII

Ну и июнь! Как рекрут в сельсовет,
младенец вваливается в белый свет,
он видит: со стальной груди балтфлота
татуировка заявляет в шутку,
что счастья в жизни нет,
растение, похожее на дудку,
"Турецкий марш" со своего ж листа
уже дудит. Но что это? Минутку.

Та нота новая — ты та или не та?
Да, да, ты та, ты та, ты эта нота!

IX

Ты та. Так значит, все же, проросла,
не извели врачи и душегубы,
имея день рожденья без числа,
звуча, но не имея места в гамме,
по отношенью к дому кверху ногами,
по эту сторону добра и зла,
водя ножом по мутному стеклу
и об него ж расплюща нос и губы —
ба! барабан! чу! уж не трубы ль? трубы!
Труба и барабан сквозь гул и мглу.

X

.....
.....
.....
... навстречу нам стоят ряды колонн,
день синь и солнечен, и нежно оголен
цветок жасмина, из-за поворота
на нас шагает золотая рота —
мундир! не лыком! шит!
Над золотым рожком серебряная нота
взлетает и кружит.

“POETRY MAKES NOTHING HAPPEN”

Белле Ахмадулиной

”...но выживает”. Это о стихах.
Мы перевод с подстрочником сличали.
Но как перевести то, что в начале:
”Стихи не причиняют ничего”?

Был вечер. Рейн болтал о пустяках.
Была весна. Я был юнец. Печали
не омрачали душу и чело.

Я притащил в Москву магнитофон,
но, видно, зря я пленкой запасался,
не там Ваш слабый голос записался,
его иной притягивал магнит.
В пути, в больнице, много раз потом
я все за эту запись опасался,
все проверял — хранит ее? Хранит.

Как кружевом обводят пустоту,
как плотный воздух наполняет парус,
как наполняет слух молчанье пауз,
так действует и Ваше ремесло.
И я читаю, нет, точнее, чту
ничто и вспоминаю, улыбаясь,
как тридцать лет назад мне повезло.

10 апреля 1987 года

* * *

Что было стекл зеленоватых,
цыганских слез солоноватых,
шампанских брызг!
Похмельных утр в скуленьях сучьих —
в окне и в сердце в черных сучьях
стыл обелиск.

О юность! как твой опыт узок.
Уж не вернуть любвей и музык,
заезжен диск,
зеленый змий бумажным змеем
стал, да и мы уж не сумеем
напиться вдрызг.

* * *

”Извини, что украла”, — говорю я воровке;
”Обязуюсь не говорить о веревке”, —
говорю палачу.
Вот, подванивая, низколобая проблядь
Канта мне комментирует и Нагорную Проповедь.
Я молчу.

Чтоб взамен этой ржави, полей в клопоморе
вновь бы Волга катилась в Каспийское море,
вновь бы лошади ели овес,
чтоб над родиной облако славы лучилось,
чтоб хоть что-нибудь вышло бы, получилось.
А язык не отсохнет авось.

NATÜRLICH

Утомленный то скукой, то злостью,
я на солнце улежся пластом,
упираясь затылочной костью
в Велемира увесистый том.

Совершали букашки набеги,
было жарко и болконскиймо,
и тогда мне кузнечик на веки
положил золотое письмо.

Притяжение текста и текста,
их стремление слиться в одно
гонит токи сквозь вязкое тесто,
и вспухает, и бродит оно.

* * *

Вот полунаписанный холст художника полуслепого.
Отлично прописан прохвост, приникший к бокалу халтуры,
предметы культуры, фигуры над грудями макулатуры,
румяная башня, часы, на часах полседьмого.

Но свет ему кто-то затмил и стал он в движеньях неловок.
К тому ж не хватало белил, кармина, лазури, и в центре
картины не то полубог верхом на осле, не то черти и
осел, человек без сапог... Неясный такой подмалевок.

Но, все-таки, как удалась ему кровь на белой груди и девица,
как птица летящая за пределы холста!
Как тепла нагота Маргариты! Как жаль, что образ Христа
неясен и как-то двоится.

* * *

Предназначение? непруха?
Чуть вышел — мне навстречу черт —
его курчавое, из шорт
вываливающееся пивное брюхо.

Врач? Критик? Журналист? Завскладом?
И страшно мне теперь вдвойне
за то, что видит он во мне
своим приценивающимся взглядом

гипнотизера? звездочета?
(приказ: "Смотрите на предмет
блестящий!" Горсточку монет?
минут? побрякивающего чего-то?)

* * *

Свечи. Светлый хор глубинный.
Свет мерцает сквозь толпу.
Чертят кровью голубиной
крест у мальчика на лбу.

Чача капает из трубки.
Чавкает грязца с кровцой.
Над углем шипят обрубки
мяса, бывшего овцой.

Армянин хохочет плача,
и к подножию Творца
притекают кровь и чача,
мальчик, голубь и овца.

31 ОКТЯБРЯ 1958 ГОДА

Сон вызвал острую тоску.

Мартынов

Только вот потом бывает тошно...

Слуцкий

Операция продолжалась не более минуты.
Леонид Николаевич и Борис Абрамович
трусят по улице Воровского,
не испытывая ни боли,
ни стыда,
ни сожаления при виде стайки
муз, рыдая удаляющихся за здание МИДа.

Впереди еще будет много лет,
зим, весен, заграничных поездок,
переводы с восточноевропейского,
избранное, смерть, комиссия по лит. наследству.

Место между адом и раем
мне представляется огромным вокзалом.
Там они ночуют (но не спят) на твердых скамейках,
толкуются у буфета (буфетчица ушла на минутку),
глазят на припадочного, бьющегося под табличкой
"Купленные билеты назад не принимаются
и не обмениваются",
караулят свою очередь,
неподвижную между грязных колонн,
как поджатый хвост.

Если кто знает настоящие молитвы,
помолитесь за них.

* * *

Начало было медленно и странно.
Курил, помалкивал и наливал вино.
Но глянула луна в окно, и Анна
испуганно взглянула на него.

Ее лицо к его лицу прижато.
Глаза закрыты. Губы горячи.
Им чудится, что за окном, в ночи,
брат на убийство подбивает брата.

АПРЕЛЬ 1950

Вижу: вот он идет с медосмотра
с дифтерийной прививкой в плече,
и ребенка жидовская морда
розовеет и жмурится в нежном апрельском луче.

Как известно, в периоды Ирода дети
улыбаются сами себе.
Поднимается жар. Зажигается свет в кабинете.
Корифей дифтерита в сапогах зашагал по судьбе.

Он уже выбирает из русского списка комочки
еврейских фамилий.

Он в ночи-сортировочной составляет товарные поезда.
Но зачем прививается славянская тяжесть крылий?
Ах, зачем нам ширококрылость тогда?

Как слезу не сглотнуть в этом первом полете,
если сверху не то, что виднее — родней
трубы, крыши да в воробьином помете
триумфальные спины коней.

ВОЛХОНКА

Полный гула пар,
купальщиков скопище
там, где идолище себе капище
построить планировало.

Манят сиреневые пруды Моне
розовых ню Ренуара
там, где идол складывал дань:
рушники, сервизы, радиоприемники.

Покинутый Пастернаком квартал,
мой московский pied-à-terre,
мой детский pied-à-terreur.

Цитата – цикада.

Мандельштам

*

Мышек не слишком проворные тушки
мешкают в жухлой траве.
Остов оржавевшей раскладушки
на заглохшей тропе.
Крепкое, вьющееся продето
сквозь бесхозный скелет.
Господи! за какое-то лето,
за какие-то несколько лет
узловатое виноградное вервие
все успевает увить.
Маленький ястреб сидит на дереве,
смотрит кого бы убить.

* *

Превращенье зеленого в желтое,
застывать на твоём рубеже,
как усталый Толстой пришёптывая:
е. б. ж., е. б. ж., е. б. ж.
Небожитель следит внимательно
голубым холодным зрачком,
как стоит и бормочет матерно
мальчик, сделавшийся старичком.

* * *

Озябший, рассеянный, почти без просыпа
пивший, но протрезвевший, охватывая
взглядом пространство имени Осипа
Мандельштама и Анны Ахматовой.
Отхвати себе синева ломоть
да ступай себе свою чушь молоть
с кристаллической солью цитат, цитат
да с надеждой, что все тебе простят.

СОДЕРЖАНИЕ

I

”Се возвращается блудливый сукин сын...”	9
ПВО	11
Городской пейзаж	14
Венеция	
Не Красная площадь	15
Дождь	16
Мура, но...	17
Из радиоперехватов. Ноктюрн	18
Маяковскому	
1. Рассказ композитора И. Койзырева о вселении в новую квартиру	19
2. Стихи о молодецком пастыре	20
3. Париж	20
24 апреля 1903 года	22
Еремнада	24
Тайный советник (по Соловьеву)	25
Сонет	28
21 февраля 1895 года	29
Кавказский пленник	30
Крещеный еврей	
1. Песня	33
2. Сказка. ”Камень”	34
3. Гимн	35
Памяти поэта	37
”Лебедь пота шипа ран”	40
Раек нескладуха...	43
Братья К.	44
”Сожжено и раздвинуто”	46
3 рубля	48
De profundis	50

II

Посвящение	53
Аквариум	54
Икона	55
”Жизнь подносила огромные дули...”	56
Частушки о зимней кампании	57
”Поэт есть перегнутой, в нем мертвые слова...”	58
Почерк	59
Басня	60
Небьлица без лица	61
”Разбужен неожиданной тишиной...”	62
Земля	63
”Декабрьские дикие сны...”	64
Кино	65
Письмо	66
Одному растению	67
Памяти С. К.	
1. Смерть	68
2. Шансонетка	68
Ультиматум	70
В грессбух	71
Гости	72
Об обуви	73
Полемика	74
Не без конца же	75
Фигуры Петербурга	76

III

Левлосев	79
Двенадцать коллегий. Элегия в трех частях	80
В трактире под машину	83
Автопортрет с растением	84
”Останься пеной семиозис...”	85
Слова для романса ”Слова”	86
Изба	87
Пристань	88
Homo Ludens	89

”Угоден ли Богу писуля...”	91
”Стерва ворона закаркала...”	92
Туалет	93
1945	
1. В городе	94
2. В лагере	94
Печка	96
Баня	
Из мыльни в предбанник	98
Надпись на стене	98
Банщик	99
Кабинет директора бани	99
Парилка	99
Ода на 1937 год	100
“Poetry Makes Nothing Happen”	104
”Что было стекл зеленоватых...”	105
” ”Извини, что украла”, – говорю я воровке...”	106
Natürlich	107
”Вот полунаписанный холст художника полуслепого...”	108
”Предназначение? непруха?..”	109
”Свечи. Светлый хор глубинный...”	110
31 октября 1958 года	111
”Начало было медленно и странно...”	112
Апрель 1950	113
Волхонка	114
”Мышек не слишком проворные тушки...”	115

ЭРМИТАЖ

В 1988 ГОДУ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В НАШЕМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ:

АВЕРИНЦЕВ, Сергей. "Религия и литература". (Статьи, 143 с.)	6.00
АКСЕНОВ, Василий. "Право на остров". (Рассказы, 204 с.)	7.00
АЛЬТШУЛЛЕР, М., ДРЫЖАКОВА, Е. "Путь отречения" (350 с.)	16.50
ВИЗЕЛЬ, Эли. "Завет". (Роман Нобел. лауреата, 280 с.)	12.00
ВОЛОХОНСКИЙ, Анри. "Стихотворения". (160 с.)	8.00
ГИРШИН, Марк. "Убийство эмигранта". (Роман, 145 с.)	5.50
ГОРЕНШТЕЙН, Фридрих. "Искупление". (Роман, 160 с.)	8.50
ДОВЛАТОВ, Сергей. "Заповедник". (Повесть, 128 с.)	6.00
ДОВЛАТОВ, Сергей. "Зона". (Повесть, 128 с.)	6.00
ДОВЛАТОВ, Сергей. "Чемодан". (Рассказы, 112 с.)	7.50
ДРУСКИН, Лев. "У неба на виду". (Избр. стихи, 230 с.)	9.50
ЕЗЕРСКАЯ, Белла. "Мастера". (Сборник интервью, 120 с., илл.)	8.00
ЕЛАГИН, Иван. "Тяжелые звезды". (Избр. стихи, 360 с.)	12.00
ЕРЕМИН, Михаил. "Стихотворения". (Сост. Л. Лосев, 160 с.)	8.50
ЕФИМОВ, Игорь. "Архивы Страшного суда". (Роман, 320 с.)	8.50
ЕФИМОВ, Игорь. "Как одна плоть". (Роман, 120 с.)	6.00
ЕФИМОВ, Игорь. "Кеннеди, Освальд, Кастро, Хрущев". (340 с.)	13.50
ЕФИМОВ, Игорь. "Практическая метафизика". (Филос., 340 с.)	8.50
ЖЕМЧУЖНАЯ, Зинаида. "Пути изгнания". (Мемуары, 288 с., илл.)	14.00
ЖОЛКОВСКИЙ, А. и ЩЕГЛОВ, Ю. "Мир автора и структ. текста".	15.00
ЗА ЧЕЙ СЧЕТ? (Статьи, сост. Ю. Фальштинский, 190 с.)	10.00
ЗАЙЧИК, Марк. "Феномен". (Рассказы, 184 с.)	8.50
ЗЕРНОВА, Руфь. "Женские рассказы". (160 с.)	7.50
ИВАНОВ, Георгий. "Третий Рим". (Избр. проза, 380 с.)	14.00
КОСЦИНСКИЙ, К. "В тени Большого дома". (Воспоминания)	8.50
КОРОТЮКОВ, А. "Нелегко быть русским шпионом". (Роман, 140 с.)	8.00
ЛОСЕВ, Лев. "Закрытый распределитель". (Очерки, 190 с.)	7.00
ЛОСЕВ, Лев. "Чудесный десант". (Стихи, 150 с.)	9.00
МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. "Маленькая Тереза". (Жизнеописание, 204 с.)	9.50
ПАВЛОВА, Ж. "Императорская библиотека Эрмитажа, 1762—1917".	15.00
ПОВОПСКИЙ, Марк. "Дело академика Вавилова". (280 с., 20 илл.)	10.00
ПОЭТИКА БРОДСКОГО (Статьи, ред.-сост. Л. Лосев, 256 с.)	12.00
РАТУШИНСКАЯ, Ирина. "Сказка о трех головах". (Рус. и англ., 128 с.)	7.50
РАТУШИНСКАЯ, Ирина. "Стихи". (На рус., англ.; фран., 140 с.)	8.50
РАЖЕВСКИЙ, Леонид. "Звездолад". (Повести, 270 с.)	12.00
РОЗИНЕР, Феликс. "Весенние мужские игры". (Пов., рас., 208 с.)	8.50
РЫСКИН, Григорий. "Осень на Виндзорской дороге". (2 пов., 200 с.)	8.50
СВИРСКИЙ, Григорий. "Прорыв". (Роман об эмигр. 1970-х, 560 с.)	18.00
СВИРСКИЙ, Григорий. "Прощание с Россией". (Повесть, илл., 140 с.)	8.50
СУСЛОВ, Илья. "Мои автографы". (Рассказы, 200 с., илл.)	10.00
СУСЛОВ, Илья. "Рассказы о т. Сталине и др. товарищах". (140 с.)	7.50
ТЕЛЕСИН, Юлиус. "1001 сов. полит. анекдот". (180 с.)	10.00
ТИМОФЕЕВ, Лев. "Последняя надежда выжить". (Очерки, 200 с.)	10.00
ТРОЦКИЙ, Лев. "Дневники и письма". (Сост. Ю. Фальштинский.)	12.00
ЧЕРТОК, Семен. "Последняя любовь Маяковского". (128 с., илл.)	7.00
ШТЕРН, Людмила. "Под знаком четырех". (Повести, 200 с.)	8.50
ШТУРМАН, Дора. "Земля за холмом". (Статьи, 256 с.)	7.00
ШУЛЬМАН, Соломон. "Инопланетяне над Россией". (208 с., илл.)	12.00

Заказы отпр. по адресу: Hermitage, P. O. Box 410, Tenaflly, N.J. 07670, USA

К стоимости заказа добавьте 1.50 дол. на пересылку (независимо от числа заказываемых книг). При покупке 3-х и более книг — скидка 20%.

\$ 8.00

Indeed we haven't seen such literate logophilia since Nabokov. Welcome to the fore, Lev Loseff.

Lee B. Croft, *World Literature Today*

Стихи Лосева замечательное событие отечественной словесности. . .

Иосиф Бродский, *Эхо*

His poems about the city surpass those of any poet of his generation. . . Loseff has a dry sense of humour and a penchant for self-deprecation, very rare qualities among Russian poets, as well as a remarkable eye for detail and a crisp, allusive verse technique.

G. S. Smith, *The Times Literary Supplement*

. . . блестящий сплав лирики и сарказма, душевная и творческая зрелость.

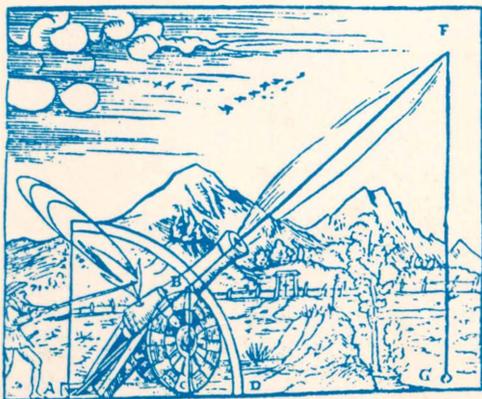
Алексей Татаринов, *Русская мысль*

. . . greatly talented poet. . .

Patricia Blake, *Time*

Лосев убеждает, что с русской культурой отнюдь еще не покончено — и я не знаю, что можно сказать лучшего о человеке, работающем в русской поэзии.

Борис Парамонов, *Панорама*

Из откликов на книгу Л. Лосева
"Чудесный десант" (Эрмитаж, 1985)

ISBN 0-938920-97-9